

RU

Лексические и морфологические средства выражения временных отношений в русском, чувашском и английском языках

Скворцова Н. Р.

Аннотация. Цель исследования – выявление национально-специфических особенностей концептуализации времени на основе анализа лексико-семантических парадигм выражения временных отношений в русском, английском и чувашском языках. Статья посвящена анализу темпоральных лексических единиц и их семантических парадигм в рамках функционально-семантической категории времени. Особое внимание уделяется сопоставительному аспекту: выявлению как универсалий, так и специфических черт в способах выражения временных отношений. Научная новизна работы заключается в сравнении трёх разнотипных языковых систем – индоевропейской (русский и английский) и тюркской (чувашский) – с целью установления специфических лексико-семантических реализаций темпоральности. Исследование основано на авторской типологии, базирующейся на классификациях В. В. Морковкина и М. В. Всеволодовой, и включает анализ синхронных и диахронных аспектов функционирования временных категорий. Полученные результаты позволяют расширить представление о лингвокультурных моделях времени и их отражении в языковом сознании носителей.

EN

Lexical and morphological means of expressing temporal relations in Russian, Chuvash, and English

N. R. Skvortsova

Abstract. The study aims to identify the nationally specific features of time conceptualization based on the analysis of lexico-semantic paradigms for expressing temporal relations in the Russian, English, and Chuvash languages. The article is devoted to the analysis of temporal lexical units and their semantic paradigms within the framework of the functional-semantic category of time. Particular attention is paid to the comparative aspect: identifying both universals and specific features in the ways of expressing temporal relations. The scientific novelty of the work lies in comparing three different types of linguistic systems – Indo-European (Russian and English) and Turkic (Chuvash) – in order to establish specific lexico-semantic implementations of temporality. The study is based on the author's typology, which draws on the classifications of V. V. Morkovkin and M. V. Vsevolodova, and includes an analysis of synchronic and diachronic aspects of the functioning of temporal categories. The results allow us to expand our understanding of linguocultural models of time and their reflection in the linguistic consciousness of native speakers.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью всестороннего осмысления культурно-эстетического и национально-специфического потенциала языка, который проявляется в лексико-семантических парадигмах русского, чувашского и английского языков. Особое внимание уделяется темпоральному аспекту, раскрывающему уникальные способы выражения временных категорий, что, в свою очередь, способствует расширению перспектив лингвокультурологических исследований. В современном языкознании изучение национально обусловленных концептов времени приобретает все большую значимость, так как оно позволяет глубже проникнуть в особенности языкового мировидения различных этносов. Анализ лексико-семантических парадигм выражения временных отношений не только способствует выявлению ключевых характеристик национальной картины мира, но и обеспечивает более глубокое понимание культурного наследия разных народов.

Для достижения поставленной цели в исследовании были определены следующие задачи:

1. Описать лексические и морфологические средства выражения временных отношений в русском, английском и чувашском языках.

2. Провести сравнительно-сопоставительный анализ лексических средств выражения темпоральности, выделив как универсальные, так и идиоэтнические признаки исследуемых языков.

3. Описать влияние культурно-когнитивных факторов на формирование темпоральных лексико-семантических моделей в каждой из рассматриваемых языковых систем.

Проблема исследования особенностей выражения временных отношений становится всё более актуальной. Исследователи делают акцент на изучении средств, при помощи которых выражаются время и временные отношения, формирующие смысловую и структурную целостность текста.

При решении поставленных задач использовались следующие методы: метод лексико-семантического анализа, позволивший определить значения и функции лексических единиц с временной семантикой; методы сопоставительной и типологической лингвистики – для выявления универсалий и различий в способах выражения темпоральности в трёх языках; этнолингвистический и когнитивный подходы, применённые для интерпретации полученных данных в контексте языковой картины мира.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных лингвистов, посвящённые описанию темпоральности и функционально-семантических полей: классификация темпоральной лексики В. В. Морковкина (1977), структурные и семантические параметры времени у М. В. Всеволодовой (1975), анализ возрастных и событийных периодов у Е. Г. Глызиной (1999), а также труд И. П. Павлова (2017), посвящённый структуре и морфологии чувашского языка. В исследовании учитывались подходы к когнитивному анализу лексики времени (Афанасьева, 2006) и социокультурные интерпретации темпоральных концептов (Семенова, Данилов, Якимова и др., 2023). Ключевые положения этих исследований были положены в основу при отборе материала, построении типологии и сопоставительном анализе.

Материалом исследования послужили: Чувашско-русский словарь под редакцией М. И. Скворцова, содержащий около 40000 слов (1985), а также онлайн-словари: Толковый словарь Даля; Толковый словарь Дмитриева; Толковый словарь Ожегова; Толковый словарь Ушакова, Cambridge Dictionary.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения полученных данных, которые могут быть интегрированы в учебные программы, использованы при разработке специализированных курсов и семинаров по региональной лингвистике, а также применены в исследованиях, направленных на изучение механизмов формирования и функционирования языковой картины мира различных народов.

Обсуждение и результаты

Время – это ключевая категория нашей жизни. Категория времени является универсальной, всеохватывающей, так как для любого явления материального и духовного мира форма времени обязательна и «как понятие, отражающее глубинные мироощущения человека, может быть выражена в разных формах и различными средствами» (Семенова, Якимова, Родионов и др., 2024, с. 251). Сознание человека любой культуры не может обойтись без темпоральной оценки (Скворцова, 2022, с. 70).

С древнейших времён категория времени находилась в центре внимания представителей различных научных дисциплин, демонстрируя свою междисциплинарную значимость и сложную онтологическую природу. С одной стороны, в рамках философского дискурса время традиционно трактуется как одна из фундаментальных форм бытия материи, обладающая характеристиками бесконечности, линейности и неотъемлемо сопряжённая с категориями пространства и движения. Эта триада – пространство, время и движение – составляет универсальную основу классической философской картины мира.

С другой стороны, культурологический подход акцентирует внимание на времени как на способе интериоризации мира индивидом, то есть как на культурно-маркированной категории, в рамках которой формируется личностное восприятие действительности. Здесь время интерпретируется не столько как объективная физическая реальность, сколько как социокультурная форма, через которую человек соотносит себя с историей, традицией и собственным опытом.

Физическая наука, оперируя методологией точных измерений, фиксирует время как постоянную и универсальную величину – координату пространства-времени, независимую от субъективного восприятия и внешних условий. В рамках теории относительности оно приобретает дополнительные измерения, однако по-прежнему рассматривается как предопределённая характеристика структуры Вселенной.

Психологическое же время – категория иного порядка. Оно репрезентирует субъективное отражение темпоральных отношений в сознании индивида. Психологическая хронотопика человека строится на восприятии длительности, темпа и ритма происходящих событий, что делает данную категорию динамичной и изменчивой. Например, минуты ожидания могут восприниматься как часы, в то время как насыщенный событиями день может пролететь незаметно. Примечательно, что с возрастом субъективная скорость течения времени, согласно эмпирическим наблюдениям, значительно возрастает: то, что ранее ощущалось как неделя, в зрелом возрасте воспринимается как краткий миг. Этот феномен «временного ускорения», широко исследуемый в когнитивной психологии, иллюстрирует тесную связь между биографическим временем и эмоционально-смысловой насыщенностью восприятия. «С точки зрения психологии, настоящее осознается не только как момент, разделяющий линию времени на прошедшее и будущее, но и как некоторая фаза, имеющая определенную протяженность и захватывающая часть областей прошедшего и будущего. Сопоставимость настоящего с прошедшим и будущим воспринимается как определенный отрезок, имеющий начало и конец, и интерпретируется человеческим сознанием как фаза в общем ходе времени» (Шелкова, Поповская, 2024, с. 93).

Таким образом, время выступает как многослойная концептуальная структура, имеющая онтологическое, физическое, культурное и психологическое измерения. Каждое из них формирует уникальную темпоральную модель мира, отражённую как в научных теориях, так и в языковых и культурных практиках.

По мнению В. В. Морковкина, у философов нет «какого-либо убедительного логикофилософского понимания этой категории» (1977, с. 73). У времени с философской точки зрения нет начала и конца, оно обладает такими свойствами, как непрерывность, однонаправленность (от прошлого к будущему), упорядоченность.

Временное обозначение циклов связано с картиной мира, которая способна меняться в зависимости от этапов исторического развития человечества. Развитие знаний о природе, о человеке, о времени, появление механизмов измерения времени способствовали созданию особой темпоральной лексики. Основным тезисом лингвистических и иных исследований является мысль о том, что один из ключевых путей к пониманию загадки времени находит отражение в языке.

Существует ряд классификаций лексем с темпоральным значением. Самые известные – классификации, предложенные В. В. Морковкиным и М. В. Всеволодовой.

В классификации В. В. Морковкина лексические единицы разделяются на две группы. Первая группа содержит обозначения безотносительного времени, а вторая – относительного времени. Она объединяет лексем, обозначающие повторяемость события во времени и указывающие на продолжительность: *frequent (час-часах)* «частый», *rare (сайра)* «редкий» (здесь и далее перевод с английского и чувашского языков выполнен автором статьи. – Н. С.). Одновременно с этим они могут обозначать регулярную повторяемость: *periodic (танхӑр)* «периодичный», *annual (суллен)* «ежегодный», *daily (кулленхи)* «ежедневный», *yearly (кашпи сул)* «каждогодний»; нерегулярную повторяемость: *sometimes (хӑш чухне)* «иногда», *at times (час-часах)* «подчас», *from time to time (хутран-ситрен)* «время от времени», *occasionally (вӑхӑчӗ-вӑхӑчӗне)* «временами», *periodically (хушӑран)* «порой». Лексические единицы, отражающие длительность, имеют указание на ограниченность: *minute (минутӑх)* «минутный», *annual (султалӑк)* «годовой» или его не имеют: *constant (яланӑх)* «постоянный», *infinite (вӗссӗр-хӗрссӗр)* «бесконечный», *continuous (тамми-сыннисӗр)* «непрерывный». Протяжённость отрезка времени бывает определенной: *second (секунд)* «секунда», *minute (минут)* «минута», *hour (сехет)* «час», *day (кун)* «день», *week (эрне)* «неделя», *month (уйӑх)* «месяц», *six months (сур сул)* «полгода», *year (султалӑк)* «год», *a hundred years (ӗмӗр)* «век», *century (сӗр сул)* «столетие»; неопределённой: *interval (вӑхӑт манхӑрӗ)* «промежуток времени», *some time (нӗр вӑхӑт)* «некоторое время», *period (манхӑр)* «период».

Лексем, относящиеся ко второй группе, указывают на время по отношению к какому-то моменту: *initial (пусламӑш)* «начальный», *timely (вӑхӑтра)* «вовремя», *final (паллах)* «конечный»; могут обозначать временный порядок: *end (вӗчӗ)* «конец», *beginning (пусламӑше)* «начало», *middle (варпу)* «середина»; время первого действия относительно второго: *previous (маларах)* «предшествующий», *subsequent (кайранхи)* «последующий» (Морковкин, 1977).

Другая классификация лексических единиц с временным компонентом предложена М. В. Всеволодовой (1975) и имеет более универсальный характер; она дает возможность сопоставлять материал различных языков.

Эта классификация определяет 10 классов существительных:

1. Наименования временных единиц и их частей.
2. Наименования определенных по длительности временных отрезков.
3. Наименования неопределенных отрезков времени.
4. Наименования частей суток.
5. Наименования сезонов года.
6. Наименования дней недели.
7. Наименования месяцев.
8. Наименования длительных отрезков времени относительно настоящего момента.
9. Наименования периодов возрастного становления.

10. Слова, не имеющие явной темпоральной семантики (наименования экономико-социальных формаций, процессов, действий и т. д.).

При сравнении лексико-семантических парадигм, выражающих временные отношения в русском, чувашском и английском языках, можно установить, что каждый из этих трёх языков является отражением особенностей культурного контекста, в котором его используют. В русском языке время употребляется более вольно, для выражения намерений или описания прошлых событий, тогда как в английском языке время используется максимально точно. В чувашском языке большое внимание уделяют месту происшествия события или контексту, а не точности выражения временных отношений.

Семантика темпоральных лексических единиц является отображением механизма восприятия времени на вербальном уровне. «Основными средствами вербализации внутри лексического уровня будут являться лексем различной членоречивости, структура которых включает временную сему “длительность”» (Афанасьева, 2006, с. 127).

В русском языке представлены различные варианты выражения темпоральных отношений, например, глаголы, предлоги, наречия и союзы. Для выражения планов или намерений часто используют глагол «буду» в будущем времени: «Я буду играть в футбол в следующее воскресенье». В русском языке также для указания конкретных дат или периодов времени употребляют временные наречия: «вчера», «сегодня», «завтра».

Русский язык обладает разнообразными средствами выражения временных отношений, которые важны для понимания культурных особенностей. В лексико-семантических парадигмах можно выделить следующие средства выражения времени:

1. Глаголы, которые обозначают длительность времени. Это, например, глаголы «ждать», «проводить время», «проживать», «жить».
2. Относительные местоимения, например, «раньше», «потом», «сначала», «вторым», «в конце».
3. Наречия, обозначающие периодичность времени, такие как «ежедневно», «недельно», «ежемесячно», «ежегодно».
4. Глаголы, обозначающие моментальное действие: «встать», «сесть», «закончить».
5. Слова, обозначающие время года и время суток, например, «зимой», «ночью», «утром».
6. Фразеологизмы – выразительные единицы выражения времени (Скворцова, 2022, с. 70). Их феномен являет собой отражение картины мира того или иного этноса. По словам лингвиста Л. Вайсгерберга, языковая картина мира являет следствие исторического развития народа и языка, и есть причина выбора направления их дальнейшего развития. Фразеологические единицы передают особенный тип экспрессивности и яркой образности, отображающей характерные черты национальной специфики языка (Полковникова, Соколова, 2022).

Примеры:

«Время – деньги» – здесь ясно фиксируется совпадение времени и ценности ресурса; «Делу время, потехе час» – подчеркивается разделение сферы труда и отдыха через временную перспективу; «Время не ждёт» – делается акцент на невозможности обратного хода времени и необходимости своевременных решений; «Тратить время впустую» – обозначается бесполезность потери времени; «Испокон веков» – время понимается как метафора веками сохраняемой традиции; «Всему своё время» – выражается баланс между ожиданием и запрограммированным действием.

В чувашском языке темпоральные отношения выражаются при помощи комбинации глагольной формы со специальным предлогом. Наряду с этим для указания определенных моментов времени используют временные наречия, например, *халĕ* «сейчас», *ун чухне* «тогда» (Чувашско-русский словарь, 1985).

Чувашский язык имеет богатые лексико-семантические парадигмы для выражения временных отношений. «Лексическую основу текстового времени составляют слова: *вăхăт* «время», самана «эпоха»; названия времен года (*сулла* «лето», *хĕлле* «зима», *кĕркунне* «осень», *суркунне* «весна»); названия месяцев (*кăрлач* «январь», *нарăс* «февраль», *пуш* «март», *ака* «апрель»); дней недели (*тунти кун* «понедельник», *ытлари кун* «вторник», *юн кун* «среда», *кĕçнерни кун* «четверг», *эрне кун* «пятница», *шăмат кун* «суббота», *вырсарни кун* «воскресенье»); времени суток (*ир* «утро», *кăнтăрла* «днем», *каç* «вечер, ночь»); слова, обозначающие время, и единицы измерения (*минут* «минута», *секкунт* «секунда», *ёнер* «вчера», *паян* «сегодня», *самант* «мгновение», *тапхăр* «отрезок времени»); названия периодов жизни человека (*ачалăх* «детство», *яшлăх* «юность», *ватлăх* «старость»)» (Семенова, Данилов, Якимова и др., 2023, с. 3611).

В чувашском языке существует богатый арсенал лексических средств для выражения хронологической последовательности событий, что отражает как временные, так и логико-причинные связи между действиями. Ниже представлены 7 примеров чувашских слов и выражений с переводом и кратким объяснением их темпорального значения:

1. *Ситес кун* / на следующий день: указывает на временную последовательность: событие происходит после дня, о котором шла речь ранее.
2. *Ун хыççăн* / после этого: универсальный маркер последовательности, аналог русского «затем», «после того».
3. *Шурăм пуç килсен* / когда солнце взойдет: условно-временное выражение, указывающее на начало следующего действия по природному ориентиру.
4. *Тин килчĕ* / только что пришел: фиксирует завершенность предыдущего события, встраивая его в недавнюю хронологическую перспективу.
5. *Хулана хальте çитеймен* / пока не дошел до города: указывает на завершение одного события до наступления другого, часто используется в художественных произведениях.
6. *Тухса каиччен* / прежде чем ушел: сложная структура, выражающая предшествующее событие относительно другого.
7. *Вăхăт çитсен* / когда время пришло: указывает на наступление определённого временного рубежа, после которого происходит следующее действие.

Эти выражения образуют значимую часть темпоральной лексико-семантической системы чувашского языка, в которой временные отношения часто передаются не столько грамматически, сколько контекстуально и лексически, что особенно важно для языков с развитой прагматикой и ситуативной обусловленностью значений.

Особую значимость в системе темпоральных отношений имеют слова, передающие длительность и протяженность во времени. В чувашском языке для этого используются следующие выражения: *пĕр кунĕнче* «в течение одного дня», *ун кунĕнче* «в течение десяти дней», *ситес кунĕнче* «в течение недели».

Также широко распространены лексические единицы, обозначающие приблизительные временные интервалы, например: *кăрлач хула* «где-то зимой», *ситес калаçă* «примерно через неделю».

Будущее время в чувашском языке представлено несколькими аспектуальными разновидностями, каждая из которых передает определенные оттенки значения. Одним из таких вариантов является повелительное будущее, которое выражается с помощью особых форм глагольного спряжения. Например: *Каласа!* «Приди!» (2 л., ед. ч.), *Каласăн!* «Приходите!» (2 л., мн. ч.), *Тăван та, хумпăр тăхасăм!* / «Если пойдет дождь, я накрою крышу».

Для обозначения последовательности будущих событий характерно использование порядковых форм, образуемых с аффиксом -мине: *Виёмине* «На третий день», *Пилĕкĕмине* «На пятый день», *Ташкăмине* «На десятый день».

В рамках функционально-семантического поля темпоральности значительное место занимает прошедшее время. В чувашском языке оно может выражаться разными способами в зависимости от степени удаленности события во времени. Например: *Сăнӑр иртнӑ* / «Вчера он пришел», *Иртнӑ сӑмах та, кун тата*. / «Когда он вчера пришел, солнце уже село».

Интересно, что в чувашском языке существует специальная парадигма многократного прошедшего времени, которая образуется при помощи аффиксов *-атт (-емт)*, *-ачч (-ечч)*, *-т (-ч)*. Данные формы обозначают повторяющиеся действия, происходившие в прошлом. Например: *Хӗвел ӑсӑн, утӑр тӗсӗччен* / «Когда солнце заходило, становилось прохладно», *Тӑван та хӗри иртӗччӗ*. / «Если дождь шел, воздух становился свежим».

Одной из наиболее значимых категорий в чувашском языке является будущее желательное время II, которое формируется при помощи условно-временных деепричастий с аффиксами *-сан (-сен)* и *-сассен (-сессен)* (Павлов, 2017, с. 297). Эти формы используются для выражения событий, которые могут произойти при определенных условиях, что сближает их с гипотетическими и предположительными конструкциями. Например: *Тӑван ӑсӑн, кунӑсци кунӑ*. / «Если дождь прекратится, будет солнечно».

Лексико-семантическая система чувашского языка демонстрирует высокую степень дифференциации временных значений. Применение специализированных аффиксов для выражения аспектуальных оттенков времени, а также развитая система лексических единиц, обозначающих временные интервалы и хронологические связи, указывают на сложность и многослойность чувашской темпоральной системы. В отличие от индоевропейских языков, в которых временные категории часто выражаются аналитическими конструкциями, чувашский язык активно использует синтетические средства, такие как аффиксы и суффиксы, для передачи временной семантики. Это делает его особенно интересным объектом исследования в рамках сравнительно-исторической лингвистики и теории функционально-семантических полей.

В английском языке также используются глагольные формы, наречия, предлоги и союзы для выражения временных отношений.

Например, глагол *will* в будущем времени может быть употреблен для выражения планов или предсказания: *I will play basketball next Saturday*. / «Я буду играть в баскетбол в следующую субботу».

Союзы в сложном предложении обозначают признак одновременности или неодновременности, характеризую временной промежуток между действиями. Например, *After the sun had set, we decided to return home*. / «После того как солнце село, мы решили вернуться домой».

Наречия дифференцируют ориентацию во времени, длительность и повторяемость действий, расширяя область темпоральных значений (*never, often, again*). Например, *They are often quite egalitarian*. / «Зачастую они эгалитарны». Наречия времени, такие как *today* «сегодня», *tomorrow* «завтра», *yesterday* «вчера», тоже используются для указания на конкретные даты или периоды времени.

Выделяют несколько групп имен существительных с темпоральным значением (Глызина, 1999, с. 10): 1) существительные, обозначающие время (*calendar* «календарь», *minute* «минута», *moment* «момент»); 2) существительные, обозначающие индивида на различных этапах его взросления (*toddler* «ползунок», *child* «ребенок», *adult* «взрослый»); 3) существительные, обозначающие развитие (*progress* «прогресс»).

В реальной речи темпоральность выражается лексическими и грамматическими способами.

Лексические способы выражения темпоральных отношений делят на абсолютные и неабсолютные в зависимости от отношения периода времени к моменту речи. Абсолютное выражение времени охватывает его восприятие в прошедшем, будущем и настоящем. Такие лексемы, как *soon* «скоро», *last week* «на прошлой неделе», *now* «сейчас», – абсолютные, так как обозначают темпоральность относительно текущего момента. Например, *Last week was exceptionally busy for me*. / «Прошлая неделя была исключительно загруженной для меня». Неабсолютное выражение времени не ограничено рамками его соотнесенности с настоящим моментом. Одно из двух событий предшествует другому, происходит после него или одновременно с ним. В этих случаях используются такие лексемы, как *sometime later* «некоторое время позже», *before that* «до этого», *after that* «после этого» и другие. Например, *After that we moved to Paris*. / После этого мы переехали в Париж.

В английском языке существует несколько лексико-семантических парадигм для выражения временных отношений.

Рассмотрим некоторые из них.

1. Simple Present Tense. / Простое настоящее время.

Оно используется для выражения общих фактов, повседневных действий и привычек. Например: *I wake up at 6 a.m. every morning*. / Я просыпаюсь в 6 утра каждое утро.

2. Present Continuous Tense / Настоящее продолженное время.

Оно используется, чтобы описать действие, которое происходит в данный момент. Например: *I am typing on my computer right now*. / Я печатаю на своем компьютере прямо сейчас.

3. Past Simple Tense. / Простое прошедшее время.

Оно используется, чтобы описать действия, которые произошли в прошлом. Например: *I visited Paris last year*. / Я посетил Париж в прошлом году.

4. Future Simple Tense. / Простое будущее время.

Оно используется, чтобы описать события, которые произойдут в будущем. Например: *We will have a meeting next week*. / Мы проведем встречу на следующей неделе.

В английском языке отношение к времени более формальное, и время считается ценным ресурсом, поэтому может использоваться более точное выражение временных отношений: *I plan to play basketball at 8 a.m. on Saturday*. / Я планирую играть в баскетбол в 8 утра в субботу.

Лексико-семантические парадигмы выражения временных отношений могут способствовать лучшему пониманию культурных особенностей разных стран и народов, связанных с повседневной жизнью, развлечениями и путешествиями, а также с планированием будущего и устройством дня.

Результаты проведённого анализа позволяют утверждать, что темпоральные лексико-семантические парадигмы в русском, английском и чувашском языках демонстрируют как универсальные, так и национально-специфические черты, обусловленные типологическими особенностями соответствующих языковых систем, а также культурно-когнитивными установками их носителей.

Семантическое наполнение лексем, репрезентирующих временные отношения, в исследуемых языках соотносится с различными типами концептуализации времени. В русском языке, как показал анализ, наблюдается высокоразвитая система лексических единиц с временной семантикой, включающая категории абсолютного и относительного времени, выражаемые средствами разных частей речи: глаголами, наречиями, предложениями, фразеологизмами. Особое место занимает категория вида, позволяющая эксплицировать не только факт наступления события, но и его завершённость, фазовость или длительность. Подобная аспектуальная маркированность временных отношений в русском языке способствует формированию субъективно-эмоционального восприятия времени.

Чувашский язык, представляющий тюркскую языковую семью, демонстрирует более гибкую и ситуативно обусловленную модель выражения темпоральности. Временные значения в чувашском языке часто выражаются посредством грамматических аффиксов, специфических форм деепричастий, контекстуальных индикаторов и перифразов. Как показано в анализе, форма многократного прошедшего времени с аффиксами -атт, -етт, -ачч, -ечч и др. позволяет передавать повторяемость действия в прошлом, что отражает циклическую модель восприятия времени, свойственную традиционным культурам (Павлов, 2017, с. 297). Подобные формы не имеют прямых аналогов в английском языке, что подчёркивает типологическую и когнитивную специфику чувашской темпоральной системы.

Английская языковая система, напротив, характеризуется формализованной структурой выражения временных отношений, основанной на строгой дихотомии временных форм и аспектуальных значений. Использование многоуровневой системы времён, таких как Present Perfect, Past Continuous, Future Perfect, создаёт широкие возможности для точной темпоральной локализации событий. Кроме того, английский язык использует наречия частотности (*often* «часто», *rarely* «редко», *sometimes* «иногда»), адвербиальные кванторы и другие модификаторы времени, подчёркивая когнитивную установку на хронологическую точность и прагматическую ценность временной организации.

Сопоставительный анализ выявил, что в русском и чувашском языках широко представлены лексемы, отражающие связь времени с природными циклами, этнокультурными ритуалами и народной традицией, тогда как в английском языке преобладают номинативные обозначения времени в рамках социокультурного и профессионального пространства. Это свидетельствует о различии в темпоральных картинах мира: в русском и чувашском языках сохраняется выраженная связь времени с природным и коллективным началом, тогда как в английском языке доминирует концепт времени как управляемого и измеримого ресурса.

Таким образом, результаты анализа подтверждают, что функционально-семантическое поле темпоральности формируется под воздействием ряда лингвистических, когнитивных и культурных факторов, проявляющихся в структуре лексико-семантических парадигм. Каждая из исследуемых языковых систем реализует данную категорию через специфический набор языковых средств, отражая глубинные установки языкового сознания своих носителей.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ лексико-семантических парадигм, отражающих временные отношения в русском, чувашском и английском языках, показал наличие выраженных национально-культурных различий в концептуализации времени. Русская лексико-семантическая система характеризуется богатой эмоционально-экспрессивной окраской темпоральных выражений, что особенно ярко проявляется в обилии фразеологизмов и многообразии аспектуальных глагольных форм, позволяющих передавать не только временные характеристики события, но и субъективное отношение к нему. В чувашском языке выявлено преобладание контекстно-зависимой модели, в которой темпоральность репрезентируется с помощью специализированных грамматических форм и лексем, подчёркивающих циклическое восприятие времени, свойственное традиционному мышлению и культуре чувашского этноса. Английский язык, напротив, демонстрирует формально-структурную и прагматическую чёткость, выраженную в строго дифференцированной грамматической системе времён и в лексических средствах, акцентирующих внимание на точности и управляемости временных интервалов.

Во-вторых, сопоставительный анализ позволил определить как универсальные элементы, так и специфические особенности в выражении временных отношений в исследуемых языках. Универсальными являются такие базовые лексемы, как наименования суток, дней недели, сезонов, а также выражения, фиксирующие повторяемость и продолжительность действий. Вместе с тем каждая из рассмотренных языковых систем продемонстрировала уникальные идиотнические признаки: широкое разнообразие экспрессивно-оценочных средств

в русском языке и особая грамматическая форма многократного прошедшего времени в чувашском языке, отражающая циклическую природу восприятия темпоральных событий, строгая и рациональная категоризация времени в английском языке.

В-третьих, исследование подтвердило значительную роль культурно-когнитивных факторов в процессе формирования и функционирования лексико-семантических моделей времени. Русская и чувашская языковые системы продемонстрировали тесную связь временных понятий с культурно-историческими традициями, природными циклами и коллективным сознанием носителей языка. В то же время английский язык отличается доминированием рационально-прагматических установок, отражающих восприятие времени как управляемого и систематически организуемого ресурса, что соответствует социальной и культурной специфике англоязычных сообществ.

Таким образом, результаты настоящего исследования способствуют более глубокому пониманию роли языковых средств в формировании национальной картины мира, отражающей культурные и когнитивные особенности восприятия времени. Полученные выводы могут стать основой для дальнейших научных разработок в области лингвокультурологии, сравнительно-сопоставительной лексикологии и когнитивной семантики.

Потенциал заявленной проблематики открывает широкие горизонты для будущих исследований. В первую очередь, это детализированное изучение функционально-семантического поля темпоральности в других типологических группах языков с привлечением полевых данных и дискурсивного анализа. Кроме того, перспективным направлением является когнитивно-дискурсивное моделирование временных концептов в различных жанрах текста (научном, художественном, публицистическом), а также выявление прагматических стратегий выражения временных отношений в поликультурных коммуникативных средах.

Особое внимание в последующих работах может быть уделено фразеологическим и паремиологическим единицам как репрезентантам народной темпоральной картины мира, отражающим архаические и современные способы осмысления времени. Не менее значимым является и междисциплинарный подход, объединяющий достижения когнитивной лингвистики, этнопсихолингвистики, культурной антропологии и социолингвистики, что позволит выстроить более полную и многоаспектную модель темпоральности как универсальной и одновременно культурно-специфической категории языкового сознания.

Материалы исследования | Research materials

1. Толковый словарь Даля. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc2p/>
2. Толковый словарь Дмитриева. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/>
3. Толковый словарь Ожегова. <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=4047>
4. Толковый словарь Ушакова. <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
5. Чувашско-русский словарь: ок. 40000 слов. Изд-е 2-е, стер. / под ред. М. И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1985. <https://samah.chv.su/dict/1.html>
6. Cambridge Dictionary. <https://dictionary.cambridge.org/>

Источники | References

1. Афанасьева О. В. Особенности трехслойной структуры концепта времени (на материале английского, испанского и русского языков) // И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания: III Междунар. Бодуэновские чтения, Казань, 23-25 мая 2006 г.: тр. и материалы: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Казань, 2006. Т. 2.
2. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
3. Глызина Е. Г. Временная семантика имени существительного в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 1999.
4. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики. М.: Изд. Моск. ун-та, 1977.
5. Павлов И. П. Современный чувашский язык: монография: в 2 т. / науч. ред., авт. примеч. и коммент. В. И. Сергеев. Чебоксары, 2017. Т. 2. Морфология.
6. Полковникова В. С., Соколова Е. Н. Фразеологизмы с темпоральным компонентом в русском и польском языках // Сборники конференций НИЦ социосфера. 2022. № 16.
7. Семенова Г. Н., Данилов А. А., Якимова Н. И., Скворцова Н. Р. Выражение категории темпоральности лексическими и синтаксическими средствами чувашского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 10. <https://doi.org/10.30853/phil20230555>
8. Семенова Г. Н., Якимова Н. И., Родионов В. Г., Скворцова Н. Р. Национальная специфика паремий с темпоральным значением в чувашском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. № 7. <https://doi.org/10.30853/phil20240360>
9. Скворцова Н. Р. Темпоральные фразеологизмы в русском, английском и чувашском языках // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. Чебоксары, 2022.
10. Шелкова С. В., Поповская В. Б. Актуализация средств выражения темпоральных отношений в английском языке // Вектор гуманитарной мысли. 2024. № 1.

Информация об авторах | Author information

Скворцова Наталья Рудольфовна¹

¹ Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Natalia Rudolfovna Skvortsova¹

¹ Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary

¹ tasha2283@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.06.2025; опубликовано online (published online): 05.08.2025.

Ключевые слова (keywords): лексические средства; грамматические формы; лексико-семантические реализации темпоральности; временные отношения; национально-культурная специфика; lexical means; grammatical forms; lexico-semantic implementations of temporality; temporal relations; national-cultural specificity.